

Литература

1. Сушковой Т. А. Становление и развитие Центрального государственного архива Республики Хакасия // Архивы и современность : материалы науч.-практ. конф. – Абакан, 1998. – С. 16.
2. ФЦГАРХ. Ф. 656. Оп. 1. Л. 2.
3. Цыбина В. В. Обзор документов Архивного фонда Филиала Центрального государственного архива Республики Хакасия (бывшего партийного архива Хакасского обкома КПСС) // История Хакасии в партийных и комсомольских документах. – Абакан, 2000. – С. 8.
4. Чебочакова В. В. Листая пожелтевшие страницы (местные архивы об истории Хакасии) // Хакасия. – 1997. – 8 окт. (№ 196). – С. 6.

КРОТТ И. И.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД ИЗУЧЕНИЯ¹

В социально-экономической жизни России, ее хозяйственном и общественном развитии всегда важную роль играла Сибирь. Поэтому исследование социальной истории региона, определение в ней роли тех или иных социальных групп, предоставляет хорошие возможности для понимания закономерностей и особенностей развития национальной истории.

В связи с этим изучение истории развития сибирского предпринимательства, особенно в период общественно-политической и социально-экономической нестабильности 1914–1920 гг., имеет несомненный интерес. Обращение к данной проблеме позволит рассмотреть целый ряд вопросов, непосредственно связанных с формированием и развитием социокультурного, хозяйственного и общественно-политического пространства сибирского локального сообщества, а также выявить ментальные установки, степень адаптации и механизмы формирования стратегий поведения социальной группы с учетом региональной специфики.

Современный исследователь, обращающийся к изучению прошлого, неизбежно сталкивается с трудностями методологического выбора, проблемой формирования собственных исследовательских практик. Поэтому в настоящей публикации мы пред-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-3011.2009.6).

ставим методологический потенциал социокультурного подхода, который может использоваться при изучении поведенческих стратегий сельскохозяйственного предпринимательства в условиях трансформации сибирского общества. Сознавая сложность поставленной задачи, мы не претендуем на окончательные выводы и надеемся, что это стимулирует научные изыскания в данном направлении, которое, по нашему мнению, является чрезвычайно значимым и актуальным.

Последние десятилетия в нашей стране ознаменовались поиском новых парадигм гуманитарного мышления. Отказ от абсолютизации марксистской методологии и потребность преодоления отрыва отечественной науки от мировой стимулировали активные поиски российских ученых-гуманитариев в области методологии исторического исследования, обновления и критического пересмотра концептуального багажа.

На сегодняшний день традиционная социальная история постепенно трансформировалась в новую социальную историю, которая сложилась под влиянием общей тенденции антропологизации научного знания и интеллектуальных течений постмодернизма. В отличие от традиционной, в центре внимания новой социальной истории оказались не социальные структуры и процессы, а человек «как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма» [1]. Изменился ракурс рассмотрения общественных процессов: история стала изучаться не через официальный дискурс, воплощающий «язык власти», а как бы «снизу» и «изнутри» [2].

В итоге существенные изменения произошли в проблематике социальной истории, где на первый план вышла социальная мотивация человеческого поведения. Сегодня на смену «новой социальной истории» пришла социокультурная, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, что отразилось на изменении источниковой базы, а также основных методологических принципов [3].

Социокультурный подход предусматривает наличие не заданной априори сложной диалектической взаимосвязи различных объективных и субъективных факторов исторического процесса, определяющих социальную жизнь, условия существования и деятельность человека. Историком необходимо на конкретном

исследовательском поле установить характер выявленных связей, конфигурацию переплетения и взаимодействия этих факторов, а также те смыслы, которыми люди наполняли свои действия. Причем, культура должна пронизывать все сферы общественной и личной жизни в каждом срезе реальности, а ее продукты выступать как сущностные компоненты социального бытия. В ситуации, когда мы выходим за пределы традиционного структурирования на экономическую, социальную, политическую и духовную сферы общественной жизни и смотрим на социальную жизнь как на созидание, закрепление, трансляцию форм человеческого бытия, происходит формирование новых исследовательских акцентов, которые до этого не привлекали внимание или не получали объяснения в «старых» сюжетах. Все это способствует анализу стратегий и техник производства культурных ценностей, механизмов их обновления, симбиозу или синтезу культурных практик. Иначе говоря, появляется новое исследовательское пространство, где речь идет не просто об описании повседневной жизни социальных групп того или иного общества, а о фиксации внедрения и внедренности тех или иных образцов жизни, механизмов исключения и исключительности альтернативных моделей бытия, способов сопротивления доминирующим культурным ценностям [4].

Стоит подчеркнуть, что значение социокультурной модели исторического объяснения состоит не только в том, чтобы открыть новые области изучения, способы презентации, но и дополнить традиционные сюжеты новыми объяснительными версиями («переформулировать проблемы»). Нам представляется, что основная цель такого подхода заключается именно в переосмыслении значимости тех или иных форм человеческой жизни, и на этой основе в разработке новых схем описания. По справедливому замечанию авторов коллективной монографии «"Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии», такая «переоценка ценностей» предполагает рассмотрение всех сфер человеческого бытия, именно как культурных феноменов, а значит, «использование логики существования культурных ценностей в качестве общего контекста для описания и объяснения любого эмпирического материала, будь он из области политики, экономики или духовной жизни» [5]. Можно сказать, что события, процессы и структуры, имеющие

место и протекающие в данных сферах, следует рассматривать как формы реализации специфических и разнообразных культурных программ [6]. Таким образом, культура рассматривается как контекст, важное условие конструирования моделей поведения, социальных институтов и процессов, видения мира в целом.

Смещение познавательных ориентиров в сторону культуры открывает интерес к объектам, пусть известным, но долгое время считавшимся не столь значимыми, например, повседневной жизни, т. е. к тому, что сегодня составляет предмет исторических, социологических и собственно культурологических исследований. При этом в указанных исследованиях культура выступает общим принципом осмысления и организации материала, а не только одним из возможных факторов.

Следуя логике интересующего нас направления в области методологии, неизбежно сталкиваешься с проблемой междисциплинарного научного синтеза, что, на наш взгляд, является сегодня приоритетным направлением развития всей совокупности наук о человеке и среде его обитания. Установка на методологический синтез соответствует новейшей парадигме научного знания, общей тенденции его антропологизации. При этом социокультурный подход дает хорошую схему для реализации данной стратегии. Традиционная дисциплинарная модель исследований предполагает разделение социума как общего объекта социально-гуманитарных наук по горизонтали на отдельные составляющие, такие как экономика, политика, духовная жизнь и пр. Указанный нами подход требует совершенно иного, а именно расщепления общества по вертикали с одновременным охватом разных сфер социальной жизни. И действительно, если мы будем смотреть на формы человеческой практики как на способы реализации тех или иных культурных ценностей, то нам не избежать такого видения социальной реальности.

Социокультурный подход создает возможность для осуществления методологического синтеза как главного способа исторического познания, фокусирующего свое внимание вокруг человека в истории, его умонастроений, чувствований, поведения, сознательных и бессознательных мотивов его деятельности.

Бесспорно, гуманизация исторического знания обусловила выделение человека как основного объекта и предмета исторического исследования, становление исторической антропологии,

изучающей, прежде всего, внутренний мир человека в различных его проявлениях от истории ментальностей до истории повседневности. Но не меньший интерес представляют социальные микроструктуры и группы как носители определенных ментальных установок и систем ценностей. Исследование социальных групп предоставляет широкие возможности для раскрытия специфики исторического развития России и основывается на признании взаимосвязи между ментальностью и социальным поведением. В результате напряженных поисков в современной историографии, по мнению Т. А. Сабуровой, «все чаще в фокусе внимания исследователей оказываются механизмы освоения человеком окружающего мира, трансформация внешних стимулов во внутренние концепты и представления, а затем их реализация в социальном действии» [7].

Социокультурная методология научного исследования предполагает раскрытие сферы взаимодействия культуры и социальных отношений, акцентируя внимание именно на области их взаимодействия, с использованием макроаналитических стратегий и микроисторического подхода [8]. Поэтому можно согласиться с мнением Б. Г. Могильницкого, который указывает, что «благодаря теории методологического синтеза качественно иной, ментальный, уровень приобрела проблема соотношения макро- и микроподходов в историческом исследовании. На этом уровне всякое историческое событие принадлежит одновременно также макромиру. Изучая ментальность участвующих в этом событии людей, мы, таким образом, помещаем ее в широкую макроисторическую перспективу, что позволяет нащупать болевые точки исторически длительного развития социума» [9].

Примечания

1. Соколов А. К. Социальная история России Новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований : в 4 вып. / отв. ред. Е. И. Пивовар. М., 1998. Вып. 1. С. 108.

2. Соколов А. К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии : материалы II науч. чт. памяти акад. И. Д. Ковальченко / отв. ред. С. П. Карпов. М., 2000. С. 79.

3. Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Ч. 2) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 38.

4. «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / под ред. О. Н. Бахтиной, В. Н. Сырова, Е. Е. Дутчак. Томск, 2009. С. 32.

5. Там же. С. 36.

6. Там же. С. 40.

7. Сибирское общество в условиях трансформации конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения : коллектив. монография / под ред. Т. А. Сабуровой. Омск, 2009. С. 5.

8. Репина Л. П. Указ. соч. С. 10.

9. Могильницкий Б. Г. «Антропологический поворот» в свете антитезы макро- и микроисторических подходов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 28. С. 24–25.

ЛИТВИН М. И.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX В. В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Утрата религиозных оснований существования человека привела к радикальным социокультурным трансформациям, изменившим современный мир. Кризис, охвативший западно-европейскую цивилизацию в начале XX в., не мог не затронуть и российское общество. В России традиционные этические доминанты были практически полностью уничтожены не революцией 1917 г., а гораздо раньше, Первой мировой войной, разрушившей старый традиционный мир и прежний образ жизни. Создателями советского государства была предпринята попытка стать основателями новой идеологии, философии, этики, эстетики, искусства и культуры в целом, которая должна была заменить старые ценности и не позволить обществу самоуничтожиться. Однако поскольку носителями этих ценностных ориентаций являлись как отдельные люди, так и целые поколения, то формирование новых ценностей происходило в пределах старой аксиологической системы, и новые ориентиры часто вынуждены были сосуществовать вместе со старыми, замещая (и заместив) их лишь отчасти. Это сосуществование привело к перманентно существующему в советском обществе конфликту между старыми, никуда не исчезнувшими ценностными ориентирами (константно присутствующими российской культуре) и новыми (советскими) как отражению кризиса XX в., частным ответом на который стало формирование советского государства, общества и культуры.

Несмотря на то, что формирование и развитие советской культуры происходило в рамках постоянного противопоставления ее капиталистической (буржуазной, западно-европейской)